

Внизу Лу Дашань уже расставил на столе чашки и палочки и, увидев их спускающихся, широко улыбнулся:

— Садитесь, давайте есть, не голодайте.

С тех пор как их сын пришёл в себя, Лу Дашань и Цянь Цзиньхуа чувствовали, что всё в их жизни наладилось, и они стали ещё больше любить своего единственного сына. Ведь неудивительно — им с трудом удалось родить этого мальчика, который раньше был смутным маленьким дурачком, а теперь, когда тучи рассеялись и появился свет, они не могли не радоваться.

Лу Сяомина посадили на специальный детский стульчик, и он, глядя на еду на столе, в которой не было ни капли духовной энергии, снова вздохнул. Он даже не достиг этапа закладки основания и мог поддерживать своё тело только с помощью пищи. Однако такая еда содержала много примесей, и в будущем, когда придёт время очищения костного мозга, ему придётся немало пострадать.

Вспомнив, что в прошлой жизни он, хотя и был нищим, но благодаря особому вниманию своего наставника с самого детства ел пищу, наполненную духовной энергией, Лу Сяомир вздохнул. Посмотрев на ожидающие взгляды супругов Лу, он взял свою маленькую ложку и начал медленно есть.

Увидев, что ребёнок ест с аппетитом, супруги успокоились и, обменявшись улыбками, тоже начали быстро есть. Лу Сяомир мысленно отметил, что за месяц он успел понять, что эта семья небогата, но любовь родителей к ребёнку была искренней. Все самое лучшее они всегда отдавали своему сыну.

После завтрака Лу Дашань встал и сказал:

— Ну, я пойду на работу, Сяомир, будь хорошим мальчиком дома.

Лу Сяомир кивнул, увидев, что Лу Дашань, закончив говорить, выкатил велосипед, но не уезжал. Он с лёгкой досадой сжал губы и, помахав рукой, сказал:

— Пока, папа, возвращайся пораньше.

Услышав слова сына, Лу Дашань словно наполнился силой, широко улыбнулся, ответил и быстро уехал на велосипеде. Раньше Лу Сяомир интересовался этим велосипедом, но, изучив его, понял, что это всего лишь грубое магическое орудие, далеко не сравнимое с настоящими духовными артефактами, и быстро забыл о нём.

Цянь Цзиньхуа уже быстро убрала со стола и достала грязную одежду, чтобы пойти стирать к реке. Посмотрев на послушного ребёнка, она с лёгким беспокойством сказала:

— Сяомир, пойдёшь с мамой стирать?

Это был ежедневный вопрос, и Лу Сяомир, как обычно, кивнул, взял Цянь Цзиньхуа за руку, и они вместе направились к реке.

Поскольку это тело обладало водным духовным корнем, Лу Сяомир чувствовал особую близость к воде. Деревня Чанвань получила своё название из-за длинного ручья, который протекал через деревню. Река была не шире десяти метров и не очень глубокая, но поскольку это место ещё не было развито, вода в ней была кристально чистой. Она пересыхала только в засушливые

времена.

Хотя это и не была духовная река, Лу Сяомин всё равно очень любил её. Находясь у реки, он явно чувствовал, что водная духовная энергия была более активной, что было крайне полезно для его практики. Если бы не то, что погода ещё не была тёплой и Цянь Цзиньхуа не отпускала его одного, Лу Сяомин бы с радостью проводил всё время в воде, повышая свой уровень.

Когда они дошли до реки, там уже было много женщин, которые стирали и болтали. Увидев Цянь Цзиньхуа, они начали здороваться. Хотя Цянь Цзиньхуа и не была местной, она уже много лет жила в деревне Чанвань. Её характер был немного резким, но с соседями она ладила неплохо.

Цянь Цзиньхуа повела Лу Сяомина к большому камню, посадила его и заняла место для стирки. Время от времени она беспокойно поглядывала на ребёнка, убеждаясь, что с ним всё в порядке, и продолжала разговаривать.

Окружающие женщины знали о том, что произошло в семье Лу, и радовались, что Лу Сяомин больше не был дурачком. Подруга Цянь Цзиньхуа, Ци Чжаоди, с улыбкой сказала:

— Сяомин с каждым днём становится всё умнее.

Цянь Цзиньхуа любила, когда хвалили её сына, и с улыбкой ответила:

— Да, только он слишком замкнут и не любит гулять.

Ци Чжаоди знала, что даже если бы Лу Сяомин захотел выйти, Цянь Цзиньхуа бы не отпустила его, и с улыбкой сказала:

— Дети стесняются, просто чаще выводи его гулять, когда будет время.

Цянь Цзиньхуа, конечно, согласилась. У Ци Чжаоди тоже был сын, но он был на два года старше Лу Сяомина и уже ходил в первый класс. Подумав, она сказала:

— В воскресенье пусть твой Алян придет поиграть, я сделаю ему пирожки с красной фасолью.

Сын Ци Чжаоди, Чжан Голян, очень любил пирожки с красной фасолью и считал, что его мама готовит их хуже, чем Цянь Цзиньхуа. В детстве он часто бегал к Лу, но теперь, когда начал учиться, стал приходить реже. Раньше в деревне только он и играл с Лу Сяомином.

Ци Чжаоди сразу согласилась и с улыбкой сказала:

— Этот заяц будет счастлив, если узнает. Эх, всё время ругает мою кухню, не знаю, сына ли я воспитала или царя.

Цянь Цзиньхуа тоже засмеялась, думая, что никто не баловал своего сына больше, чем Ци Чжаоди. Когда она вышла замуж, свекровь постоянно её критиковала, но после рождения сына она сразу подняла голову.

Они поговорили ещё немного, и когда большинство женщин уже ушли, Ци Чжаоди понизила голос и сказала:

— Скажу тебе кое-что, только не злись.

Цянь Цзиньхуа нахмурилась, посмотрев на восток, и сказала:

— Опять эта старуха чудит?

Ци Чжаоди кивнула и тихо сказала:

— Я слышала от своей свекрови, что твоя свекровь всё время жалуется дома, говорит, что огород никто не смотрит, и в общем, намекает, что ты не помогаешь и не хочешь ей помогать.

Цянь Цзиньхуа, услышав это, швырнула одежду и с холодной усмешкой сказала:

— Это бессмысленно. Когда делили имущество, всё было ясно сказано. Она сама хотела жить с младшим сыном, а мы с дядей каждый год отправляем ей деньги на содержание.

Цянь Цзиньхуа с гневом продолжила:

— Все в деревне знают, что тогда произошло. Все эти годы мы никогда не отказывали ей ни в чём. Раньше, когда семья младшего брата уезжала в город на работу и им было не до этого, я, видя, как им тяжело, помогала по дому. Но теперь я просто не могу больше терпеть.

Ци Чжаоди, конечно, знала о ситуации в семье Лу и думала, что хоть её свекровь и была придирчивой, но к сыну и внуку относилась хорошо. В семье Лу, даже если бы Сяомин не поправился, он всё равно был бы единственным внуком. Как могла эта старуха быть такой жестокой?

Цянь Цзиньхуа, чем больше думала, тем больше злилась, и резко сказала:

— Пусть говорит, что хочет, но с этого момента она не дожждётся моей помощи. Она даже не заглянула к Сяомину, когда с ним случилось такое, а младший брат вообще ведёт себя так, будто все ему должны. Кто же я, дура, чтобы лезть к ним?

Ци Чжаоди могла только уговаривать её не злиться, говоря, что в деревне все знают об этом и не винят её. Но Цянь Цзиньхуа всё равно злилась. Если бы это не была её свекровь, она бы пошла и спросила, о чём та вообще думает.

Закончив стирку, Цянь Цзиньхуа взяла за руку своего сына, который за это время поправился и стал пухленьким, и немного успокоилась. В душе она ещё больше укрепилась в своём решении больше не помогать семье младшего брата.

Цянь Цзиньхуа решила больше не вмешиваться в дела семьи младшего брата. По логике, они разделились уже давно, и свекровь жила с младшим сыном. Если она помогала, это было из доброты, а если нет, то даже если кто-то и шептался за спиной, ничего страшного.

Раньше Цянь Цзиньхуа терпела свекровь ради мужа, но после случая с Лу Сяомином она чуть не порвала с ней отношения. Теперь она хотела, чтобы сын был всегда перед глазами, и у неё не было времени заниматься чужими делами.

Цянь Цзиньхуа строго следила за сыном, и Лу Сяомин тоже чувствовал себя неловко. Хотя родительская любовь была для него чем-то новым и тёплым, но из-за строгого контроля у него не было возможности выйти на улицу, не говоря уже о том, чтобы искать способы для культивации.

[Пусто]